

Экран и кино
1994 - 14 - 21 июля
(128) - с. 6

ГРЕЗЫ СИНЕФИЛА

ГОДАМИ, десятилетиями мы, русские, узнавали Бергмана по книгам и статьям — чаще других авторов, нежели его собственным. И порой нелегко бывало отграничить в своем восприятии то, что действительно принадлежало ему — кинодраматургу, режиссеру, прозаику, — от домыслов, слухов и мифов о нем, как западных, так и доморощенных.

Однако начиная с 1988 года, когда в ходе московских гастролей Шведского Королевского Театра он появился перед нами в амплуа смелого интерпретатора Шекспира и Стриндберга, «десант» бергмановского творчества на российскую территорию по существу не прекращается. Он периодически возобновляется то в рамках представительных экранных ретроспектив, то изданий его мемуарно-автобиографических произведений, то отдельных тематических показов его фильмов.

В «десанте» этом нет и тени строгой хронологической последовательности. Это чистое удовольствие для зрителя, открывающего для себя но-

Шведский десант

вые и новые стороны художественной индивидуальности Бергмана (а она поистине неисчерпаема), и мука мученическая для исследователя, волею неволей вынужденного непрерывно корректировать свое сложившееся представление о Мастере. (Не счесть поправок и исправлений, какие, с легким и тяжелым сердцем одновременно, внес я за это время в мою, долго и трудно рождавшуюся книгу об Ингмаре Бергмане — книгу, которая и сегодня, боюсь, пугающе далека от завершения.)

Большое видится на расстоянии; и то, что некогда казалось апофеозом бергмановского пессимизма, с дистанции лет обретает четкие контуры философской притчи. Именно таким два месяца назад предстало знаменитое «Молчание» (1963) — заключительная часть бергмановской кинотрилогии о молчании Бога.

Она была показана в Музее кино в один сеанс с ранней картиной режиссера «Летняя игра» (1954), в сопровождении тактичного и компетентного комментария Лейфа Серна. Эта лента, пожалуй, самая оболганная и дискредитированная в нашей официальной критике времен застоя (помнится, особенно негодовал по ее поводу Р. Юренев, ухитрившийся не заметить жизнеутверждающего начала даже в «Восьми с половиной» Федерико Феллини). Но сегодня в глазах внимательного зрителя она стала не апологией увядания и конца, а пронзительной экранной повестью о трудном пути к истине и гармонии, о неприемлемости для личности любой эмоциональной тирании, любого диктата, какие бы благие побуждения ни вызывали его к жизни.

Существование двух сестер: умной, образованной, но душевно опустошенной и бесконечно одинокой Эстер (ее потрясающе играет Ингрид Тулин) и красивой, молодой, полной жизнен-

ных сил, но всецело поглощенной капризами плоти Анны (в не менее впечатляющем исполнении Гуннель Линдблум) — две половинки одной медали, воплощающей трагедию алиенированного человечества, в котором безнадежно разобщены материальное и духовное.

«Камерная драма» — излюбленный жанр Бергмана, унаследованный им от Стриндберга, — оказываясь в фокусе режиссера, раз за разом утрачивает свою локальность, восходя на уровень размышления об универсальном, непреходящем, общечеловеческом. Так происходит и в «Благословенных» (1987) — последней работе, сделанной Мастером для телевидения (на исходе мая она была показана по Российскому каналу).

Режиссер и здесь несклонен щадить зрителя. Он рисует в мучительных деталях не столь историю любви, сколь историю антилюбви двух персонажей, немолодой супружеской пары, приводящей на память первую часть трилогии — «Как в зеркале» (1960) с психически неуравновешенной главной героиней (ее роль, как и в давнем фильме, исполняет Харриет Андерсон). «Мы не знаем, что такое любовь: доказательство существования Бога или сам Бог?», — терзался вопросом один из персонажей трилогии. Однако для Бергмана 80-х острота этого вопроса, похоже, уступила место другому: вопросу об ответственности человека за свои поступки и невозможности спрятаться за завесу спасительного самообмана. Потому, при всей экстремальности, кажется закономерным трагический исход воспроизведенной в «Благословенных» этико-психологической коллизии. Безумие героини и всепоглощающая любовь к ней не могут служить ни оправданием, ни индульгенцией герою.

Перечитав эти заметки и бросив взгляд на календарь, я неожиданно обнаружил, что этот номер газеты выйдет в свет 14 июля. Не только в известный всему миру день взятия Бастилии, но и в день рождения великого шведа Ингмара Бергмана.

Что пожелать человеку, которому мы все, добровольные данники «десятой музы» — и девяти ее старших сестер, — обязаны столь многим?

Живите долго и счастливо, драгоценный Мастер! И не тревожьтесь о славе. В сознании XX века Вы уже бессмертны.

Николай ПАЛЬЦЕВ.